

DOI: 10.15372/HSS20210304
УДК 821.161'01"15"

Л.И. ЖУРОВА

**ПОСЛАНИЯ СТАРЦА АРТЕМИЯ:
К ВОПРОСУ О ПРОТИВОЛЮТЕРАНСКОЙ ПОЛЕМИКЕ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ XVI в.**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Послания старца Артемия против лютеран, составленные в вынужденной эмиграции, представляют его как поборника православия в Литве во второй половине XVI в. В пяти посланиях (из девяти) литовского периода творчества публицист выступил с обличениями учения Лютера, адресуя их князю Чарторыйскому, казначею Ивану Зарецкому, еретику Симону Будному, некоему князю, «Люторским учителям». Предметом анализа в настоящей статье стали вопросы рукописной традиции «Послания Люторским учителям», подходы к определению отношений между посланиями на основе функционирования топосов, межтекстовых связей и обращений. Послание представляет собой пространственный трактат публициста, в котором наряду с обличениями лютеран изложена идеология церковного писателя, исихаста, нестяжателя, что позволяет считать этот памятник программным сочинением Артемия. Отличительной особенностью текста являются ярко выраженное личностное начало автора и система апелляций к Лютеру и православным, которые перешли в лютеранство. Изложенные результаты текстологического анализа «Послания Люторским учителям» позволяют ставить вопрос о необходимости научного издания трудов средневекового публициста.

Ключевые слова: Артемий, Литва, публицистика XVI в., Лютер, лютеране, послание, трактат, рукописная традиция.

L.I. ZHUROVA

**EPISTLES OF STARETS ARTEMIOUS:
ON THE EPISTLES CONTENDING LUTHERANS
IN THE RUSSIAN PUBLICIST WRITINGS OF THE 16TH CENTURY**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The Eldery Artemius, accused by Moscow Bishops' Assembly in 1554 of the aptitude to Protestantism, became strictly Orthodox in Lithuania, a castigator of heretics and active antagonist of the Lutheran Church. The epistles composed in emigration present him as the Orthodoxy proponent in the west. In five epistles (out of nine) of the Lithuanian creative period, representing the author's discourse, the publicist made denunciations of Luther's teaching, addressing them to Prince Czartoryski, treasurer Ivan Zaretsky, heretic Simon Budny, Lutheran teachers and a certain prince. The article's subject of analysis is the issues of the handwritten tradition of «Epistles to Lutheran Teachers», approaches to determine the relations between epistles based on functioning toposes, intertextual connections, and appeals in the polemical narrative. The epistle is an extended treatise of a publicist, in which, along with the Lutherans denunciations, the author expresses his attitude to an ecclesiastical Hesychast writer, the ideologist of non-possession, which makes this work the programmatic work of Artemius. The text's distinctive feature is the author's pronounced personality and the system of appeals to Luther and the Orthodox who converted to Lutheranism. The results are discussed relating to the book tradition of «*Epistles to Lutheran Teachers*» preserved in three collections of manuscripts of the XVI century. The text published in the collection «*The Russian Historic Library*» based on the Russian State Library's opus № 494 of Undolsky collection does not have a beginning, and its long title is likely to be authored by P. Hildebrandt. This opus has a title *Na Lutory* (i.e. «Against Lutherans») in two other manuscripts. The copy kept in the Russian National Library O.XVII.71 should be considered the most complete and relevant text of the Epistle.

Key words: Artemius, Lithuania, XVI century journalism, Lutherans, epistle, treatise, manuscript, manuscript tradition.

Людмила Ивановна Журова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: zhurovansk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6796-0896>.

Ludmila I. Zhurova – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Рукописное наследие старца Артемия, церковного публициста середины XVI в., последователя Нила Сорского, сторонника нестяжательства, критика внешней обрядности Русской церкви, невелико. Пять посланий были написаны иноком в московский период его жизни (до 1554 г.), девять посланий – в Литве (1555–1575 гг.) [1, с. 163–168; 2, с. 459]. Они находятся в сборнике РГБ. Ф. 310. Собр. Ундольского, № 494, последняя четверть XVI в., л. 1–201 об. Рукопись писана белорусским полууставом, видимо, учениками Артемия (например, Марком Сарыхозиным) [2, с. 461], текст последнего послания не закончен, обрывается на словах «Хотел бы и радъ писати до вашей милости и о инших речах, о них же глаголють хулници...». Вероятно, ряд сочинений Артемия утрачен, сохранившиеся тексты большей частью дефектны: у одних недостает начала, у других – окончания, третьи представлены в виде отрывков. Рукопись не дописана. Послания Артемия опубликованы в 1878 г. в сборнике «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией» [3, стб. 1201–1448]¹, и это издание не отвечает современным требованиям публикации средневековых рукописных текстов. Основные исследования жизни и творчества писателя появились в XIX в. [4; 5; 6], их результаты уточнены учеными XX в. [1, с. 163–168; 2, с. 458–462; 7, с. 71–73].

На суде 1554 г. в Москве Артемий был обвинен в склонности к протестанству. В Литве старец Порфириевой пустыни стал строго православным человеком, обличителем еретиков и активным противником лютеранства [5, с. 133]. Послания, составленные в вынужденной эмиграции, представляют Артемия как поборника православия в западных землях.

В отечественной науке долгое время считалось, что в Московской Руси основным защитником православной веры от лютеранства был Максим Грек [8, с. 116–119]. На самом деле афонскому монаху принадлежит единственное сочинение против лютеран – «Слово о поклонении святых икон противу явльшегося в немцах иконоборца Лютора» (Иванов, № 148), написанное, видимо, уже в последние годы жизни, и оно почти не было известно в книжной культуре XVI в. [9].

Политика Ивана Грозного, с интересом относившегося к учению протестантов, приглашавшего немцев и датчан в Москву для разнообразных работ, позволившего им строить кирхи и основать Немецкую слободу, но запретившего лютеранам вмешиваться в церковные дела православных (история с Яном Рокитой), создала условия, в которых невозможно было

широкое распространение учения Лютера среди русского населения, и потому в XVI в. не было особой нужды в защите православия от протестантизма. Другая ситуация сложилась в многоконфессиональной Литве, переживавшей непростые времена борьбы разных церковных идейных течений во второй половине XVI в. – католиков, православных, лютеран, кальвинистов, антитринитариев, социниантов и др. Здесь распространение лютеранства шло интенсивно [5, с. 87–113]. От увлечения новыми учениями предостерегал единоверцев в Литве Андрей Курбский. Но главным защитником православных от идей Лютера стал Артемий.

С.Г. Вилинский датирует послания старца, в которых подняты вопросы обличения протестантских идей, казначею Ивану Зарецкому, князю Чарторыйскому, еретику Симону Будному, «Люторским учителям» концом 60-х гг. XVI в. [6, с. 358]. Еще одно против лютеранское сочинение Артемия – «Послание некоему князю» [3, стб. 1328–1359] – историк относит к началу 70-х гг. XVI в., потому что в нем сменился тон повествования: от дружески-назидательного на резко обличительный. Артемий осознал, что безуспешны его уговоры, и призывал избегать общения с еретиками.

Не потеряло своей актуальности заключение С.Г. Вилинского: «Послания Артемия – почти единственный (если не считать Курбского) полемический против лютеранский памятник» в публицистике XVI в. [6, 353].

ПОСЛАНИЯ АРТЕМИЯ ПРОТИВ ЛЮТЕРАН

Послания Артемия следует рассматривать как авторский дискурс, поскольку единство текстов обусловлено не только происхождением сочинений (у них неизменяемая авторская интенция, отражение одной ситуации – осуждение лютеранского учения, сходные мотивы и образы), но и предназначением – защитить православных от новых еретических учений. Сложно установить вектор генетических отношений посланий.

Между посланиями князю Чарторыйскому, казначею Ивану Зарецкому, еретику Симону Будному, некоему князю и «Посланием Люторским учителям» обнаруживаются межтекстовые связи. Так, в них повторяются основные положения взглядов Артемия (с различными оттенками смысла и интонаций), использованы одни и те же образы и выражения. Например, в Послании князю Чарторыйскому он, определяя тактику своего писательского труда, заимствованную у Нила Сорского: «...не от своего разума, но от самъх божественных Писаний святых и богоносных отец сказания от многих и малая собравъ», вводит сравнение: «яко песь отъ круплицъ, падающихъ отъ трапезы господии своих...» (стб. 1267). Этот же при-

¹ Послания старца Артемия цитируются по этому изданию, далее номера столбцов указаны в круглых скобках.

ем находим в «Послании Люторским учителям»: «отъ Бога и святых апостоль и пророкъ и преподобных отецъ, якоже пес отъ крупиць, падающихъ отъ трапезы господии своих, по мѣрѣ дарованія Христова, иже слѣпныя просвѣщаго младенца умудряюща, отъ многихъ малая собравъ, предложити вашей премудрости азъ, ненаученыи, покушюсь» (стб. 1205). Этот образ спровоцировал недоброжелателей Артемия называть его «старым псом», на что он отреагировал в «Послании Люторским учителям»: «А понеже слышахъ, яко укаряюще старого пса нарекоша мя, и въправду, ибо песь, егда услышитъ незнаемого гласа, не престае брехая, дондеже извѣстно узритъ, кто есть...» (стб. 1225). В противолютеранских сочинениях старец использовал одни и те же цитаты из посланий апостолов и слов учителей Церкви (Василия Великого, Григория Омиритского, Иоанна Богослова, Дионисия Ареопажита).

Князю Чарторыйскому Артемий пишет «слово отвѣтно» (видимо, было обращение Чарторыйского² к нему), в котором собирается разобрать «каждыи артикуль лжеименнаго разума Люторскихъ шепераний³» (стб. 1266). Но в этом сочинении он не выполнил своего обещания, затронув только вопросы об умалении еретиками священного предания, о возвышении роли Десятословия Моисея, отвержении закона Христа и иконопочитания. И в конце признался: «Много имѣхъ писати, но трудно ми вскорѣ о всѣхъ речехъ писати» (стб. 1273). Артемий выразил надежду, что «на вся хулы нынѣшнеи ересеи обще списати обличение», и пригрозил: «жестокю будетъ имъ противу рожну прати» (т.е. «трудно будет им прыгать на рожен»). Является ли «Послание Люторским учителям» этим «жестоким» обличением? Вилинский считал, что нет [6, с. 127–128].

Более широкий круг вопросов лютеранского учения Артемий обсуждает в послании казначею Ивану Зарецкому. В начале он формулирует вопросы, которые ему задал «некто», о «новопрозябшихъ ересеи, глаголемыхъ Люторскихъ», и о них автор будет рассуждать: о непризнании литургии, о непочитании икон, о том, можно ли призывать святых в своих молитвах. Предупреждая, что «о такихъ въпросѣхъ... нѣсть потребы отвѣщавати» тому, кто просто любопытствует, Артемий свое слово обращает к желающему «истину навькнути» (стб. 1274). Называя лютеран «ругателями и досадителями», обвиняет их в том, что они «всякия хулы умышляють на церковныя уставы и на вся благочестивыя православныхъ христианъ обычая» (стб. 1275). И первым обличением подвергается

положение протестантов о проповедовании Десятословия вместо Евангелия, о непризнании книг святых отцов, потому и именуется их Артемий – «темнии о свѣтѣ». Далее последовательно публицист дает ответы на поставленные в начале вопросы: в чем смысл христианского богослужения (литургии), почитания икон и прославления святых, а также разъясняет, почему надо ценить священное предание, молиться за умерших.

Послание Ивану Зарецкому отличается логичностью изложения, в нем использованы те же аргументы, что и в других противолютеранских сочинениях: цитаты апостолов и святых отцов, воспоминание о скинии Моисея и кивоте священном. Но в этом сочинении практически нет обращений к адресату и четко выраженного авторского начала, поэтому текст мало похож на послание. Первая фраза: «Проси нѣкто христоролюбива старца, да напишетъ ему о новопрозябшихъ ересеи, глаголемыхъ Люторскихъ» – представляет сочинение как ответ на просьбу. Единичные апелляции: «Убо прекланяеши ли уши свои къ такому богומרзкимъ хулам?» (стб. 1277); «И аще хоцещи извѣстнѣе вѣдѣти, прочитаи жития святыхъ и не въстребуеши от инѣхъ научитися» (стб. 1285) – никак не определяют личность адресата, но указывают на соблазны, которым он мог подвергнуться. А тем не менее Иван Семенович Зарецкий был человеком сугубо православным, заботился о поддержании православия в Литве, вместе с братом в типографии Мамоной в 1575 г. издал Евангелие [6, с. 129].

ПОСЛАНИЕ ЛЮТОРСКИМ УЧИТЕЛЯМ

Данное послание представляет собой пространный трактат, в котором изложена позиция церковного публициста, исихаста, нестяжателя по многим вопросам. Это не столько полемическое сочинение, сколько дидактическое, дидактическое. Сам текст Послания, довольно объемный, не отличается последовательностью изложения, как послания Чарторыйскому и Ивану Зарецкому, содержит повторы, возвращения к одним и тем же темам и мотивам. Само учение Лютера публицист представляет в своих посланиях не в полном виде и большей частью касается внешней, обрядовой стороны новой религии. Новоявившиеся идеи лютеран Артемий называет «широким и пространным путем» в отличие от библейского «узкого пути» (Мф. 7: 13–14). В этом Послании находим практически все основные положения идеологии Артемия. Так, он осуждает жестокие наказания еретиков: «неподобно есть христіаномъ убивати еретичествующихъ, но паче кротостию наказывати противящихся и молитися за нихъ» (стб. 1213).

Много слов сказано Артемием об иноческом житии, и ими он заканчивает свой трактат: «Иноческое бо жителство – похвала Церкви Христовѣ» (стб.

² Вилинский справедливо ставит вопрос об адресате: были известны три князя Чарторыйских, но кому именно обращено послание, сказать трудно [6, с. 128].

³ Шеперание – пустословие.

1260). Старец, предпочитавший безмолвное служение: «похвално убо есть... еже со единѣмъ или со двѣма безмолствовати» (стб. 1261), высказывается о достоинствах общежительного устройства монашества, хвалит особое житие: «в нынѣшнее бо время похвалнѣе общаго особное житие» (стб. 1261). Рассуждения о роли священников в христианском мире, об исполнении заповедей Господних, о нестяжании спровоцированы лютеранской ересью. Анализ учения Лютера подвигает старца к построению собственной концепции. Церковный публицист ищет противоречия в построениях немецкого протестанта, ценившего Десятислово Моисея выше Евангелия, самопроизвольно обращавшегося со священными текстами, развращавшего их своими измышлениями, ложными писаниями. Так, он анализирует, как в Ветхом и Новом Заветах представлен «трисоставный разум» человека: «плотское, душевное и духовное» (стб. 1232) – и доказывает приоритет духовного начала. Создав систему представлений об этических и духовных ценностях православия, Артемий обозначает свою цель – удержать православных от увлечения новоявившимся учением.

РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ «ПОСЛАНИЯ ЛЮТОРСКИМ УЧИТЕЛЯМ»

Послание сохранилось не только в сборнике Унд. 494, опубликованном в РИБ [3, стб. 1201–1266], но и в двух других рукописях XVI в., что дает возможность описать книжную традицию сочинения. В Унд. 494 текст Послания не имеет начала, издан П. Гильтебрандтом под названием: «Послание старца Артемия къ “Люторскимъ учителямъ”, ставящимъ Десятословие выше Евангелия, отвергающимъ храмъ, иконы, крестное знамение, иночество, покаяние и другие таинства, а также къ совращеннымъ въ эту ересь православнымъ». Вилинский полагал, что заголовок принадлежит Артемию, но это невозможно, поскольку в рукописи утрачены начальные листы, и надписание текста в публикации, более чем вероятно, сделано издателем рукописи, а именно П. Гильтебрандтом, определившим в заголовке основные вопросы повествования.

В двух других списках «Послание Люторским учителям» озаглавлено как «На люторы»: РНБ. О.XVII.71, 80-е гг. XVI в., л. 152–270 об. и Q.I.493, рубеж XVI–XVII вв., л. 1–48. Текст этого послания в данных сборниках А.И. Ивановым ошибочно отнесен к сочинениям Максима Грека [8, с. 118, № 147]. Ошибку можно объяснить тем, что Послание Артемия в указанных двух сборниках РНБ находится в окружении сочинений, которые долгое время считались принадлежащими Максиму Греку: «Послание Николаю Латынину о латинском отлучении» и «Послание Николаю Латынину или неизвестному лицу»

[10, с. 373–398, с. 494–508]. Н.В. Сеницына полагала, что автором этих сочинений мог быть Исая Каменчанин – один из поклонников творчества Максима Грека [11, с. 49–50]. Но бытование их в контексте Послания Артемия позволяет предположить происхождение этих посланий в среде книжников старца Артемия.

Сборник РНБ. О.XVII.71 неполный: в нем утрачены начало и конец, где находятся сочинение Иоанна Дамаскина и житие этого учителя Церкви. Между Посланиями Николаю Латынину (л. 106–146) и трактатом «На люторы» (л. 152–270 об.) читается текст: «О Григории Цамблаке, послание грамоты всех епископов литовских» (л. 146–152), и такой контекст может указывать на западно-русское происхождение рукописи.

Рукопись РНБ. Q.I.493 представляет собой фрагмент какого-то сборника, в ней сохранились только три сочинения, обозначенные как главы: 9 («На люторы»), 10 («Послание Николаю Латынину, злomu прелестнику»), 11 («Послание Николаю Латынину, зломудренному»). В ней оказались утраченными несколько листов с текстом «На люторы».

По спискам О.XVII.71 и Q.I.493 можно восстановить начало «Послания на Люторских учителей», не сохранившееся в Унд. 494: «О тщеславии, от него же гордость, ибо от неподобнаго мнѣния презорство родися, его же ради хульнии помыслы възникоша, симъ же возрастшимъ от невнимания многа тогда уже от преисполнения сердечнаго глаголють уста его, и яко от сего познавается ложный учитель антихристовъ, о еже неправѣ учить от Божественныхъ Писании, но от своего сердца...» (О.XVII.71, л. 152 об.). В этой рукописи слова «многа тогда уже от преисполнения» вписаны кинноварью на поле как вставка, а в Q.I.493 они неудачно попали в заголовок: «На люторы. Многа тогда уже от преисполнения», л. 1 об., что позволяет считать первый сборник антиграфом второго.

В целом список Q.I.493 содержит множество мелких пропусков, писцовых ошибок, например, «мед горестъ явися» вместо «мед горек явися», «смотрите опасно» вместо «смотрите извѣстно», «иным не творите» вместо «инымъ не чините», «образа смотрения» вместо «образа смирения» и др. В то же время текстологический анализ позволяет установить гаплографические ошибки в опубликованном списке Унд. 494 (пропуск в Унд. 494 выделен курсивом): «Мы же отведены быхомъ *гласомъ чюжыхъ постѣителеи, иже не священныхъ архиереи и не доволни быхомъ* познати отъ плодовъ неправы правящихъ слово Твое» [стб. 1209]. Таким образом, на повестку дня встает вопрос о переиздании сочинений старца Артемия, и в основу публикации «Послания Люторским учителям» должен быть положен список РНБ. О.XVII.71.

К ВОПРОСУ О ТОПИКЕ ПРОТИВОЛЮТЕРАНСКИХ СОЧИНЕНИЙ

Ошибочным представляется мнение А.И. Иванова (повторенное в статье «Православной энциклопедии») о том, что «Послание Люторским учителям» («На люторы») обнаруживает сходство со «Словом о поклонении святых икон» Максима Грека [8, с. 117]. Последнее на самом деле является вариантом Слова 6 «Книги на новгородских еретиков» Иосифа Волоцкого [9].

Одной из причин неверной атрибуции слов русских публицистов против иконоборчества (Иосифа Волоцкого, Максима Грека) может быть мотив Ковчега Завета (кивот), сопровождаемый библейским рассказом о беседе Господа с пророком Моисеем (Исх 4; 33: 8–10; 40: 33–38). Он стал топосом в сочинениях защитников иконопочитания, но исследователями оценивался как образ, созданный Максимом Греком.

В «Послании Люторским учителям» Артемий тоже прибегает к ссылке на этот же ветхозаветный сюжет, которая иллюстрирует логику его рассуждений: «И аще бы не сице имѣло слово, то како Самъ Богъ, заповѣдавши Моисеови не творити всяко подобие, и паки Тои же повелѣ учинити ему подобия херувимовъ? <...> И еще взри на ветхиа сокровища и обрящещи тамо очистило, сирѣчь дску златую над двема херувимы, киотом учиненную, в неи же Господь с пророком беседова» (стб. 1243–1244). Артемий объясняет, что заповедь Моисея рассчитана на то, чтобы отвести людей от языческих идолов, поэтому не следует ссылаться «христианохульникам» на Ветхий Закон в своих «умышлениях». А мы, православные, рассуждает автор, «от образа на память избавления нашего възводимся» (стб. 1246). Он, как и все поборники почитания икон, напоминает слова Василия Великого о том, что честь изображения на «прѣвообразное преходит».

Еще одним общим местом в полемических сочинениях против иконоборцев будет образ Солнца Правды, восходящий к книге пророка Малахии (Мал 4: 2). Он встречается в сочинениях против еретиков, в том числе у Максима Грека (РГБ. Собр. Румянцева, № 264, л. 241). Артемий учение Лютера представляет как человеческое самоизвольное измышление, сравнивает его со светом огня и пламени, объявшего человека, и противопоставляет ему Солнце Правды (стб. 1230), под которым в богословии понимается учение Христа, и Солнце Правды есть Христос.

АВТОР И АДРЕСАТЫ

В «Послании Люторским учителям» по сравнению с другими его сочинениями довольно выразительно авторское начало, личностное настроение. Так, в молитвенном введении Артемий просит Госпо-

да вразумить его быть «дателем истинной премудрости», не отнимать от него «словеса истинна», услышать молитву «преселника и пришельца» (Пс 38: 13) (стб. 1201). Цитата псалма переключается с судьбой эмигранта Артемия. Персонифицированная позиция публициста в «Послании Люторским учителям», очевидно, обусловлена необходимостью прямых апелляций к основателю новой идеологии, выстраиванию оппозиции: «Кто же сеи сквернии Люторь, отвергнися своего обѣта во осмотысящному вѣку, новоизобрѣтеннии и удобен путь явиша, широкии и пространнии, а всяко похулише узскои и прискорбнии, Самимъ Господомъ похваленнии?» (стб. 1227–1228). Оригинальными именованиями немецкого реформатора будут: «новии фарисеи», «темнии о свѣтѣ».

В этом Послании можно видеть целый ряд самоуничижительных пассажей: «Мнѣ мнится, аще азъ зѣло грубъ есмь, по вашему словеси, ниже бо азъ, когда смѣю помыслити, довьлна собѣ разумѣти <...> предложить вашей премудрости азъ, ненаученни, покушюся» (стб. 1205). Искренность переживаний должна вызвать доверие у православного человека к слову автора: «Увы, мнѣ, окаянному! Болѣзнуеть ми душа, болѣзнуеть ми внутръняя! Помозите ми, братие! Кто дасть главѣ моеи вѣду и очима моима источникъ слез? Или кто поставилъ бы мя на мѣстѣ безмолвнѣ, идѣже нѣсть мятежа, ни плища, идѣже нѣсть гласа сыновъ человѣческихъ, идѣже тишина многа?» (стб. 1209). Артемий, как видим, до конца жизни оставался исихастом.

Послание Артемия направлено большей частью к «совращенным в ересь» православным, а не столько к «Люторским учителям», что видно из обращений к читателям: «Тѣм же, братие възлюбленная, аще есть в насъ истинное любомудрие иноческаго и христианскаго житиа...» (стб. 1235). Пастырские именованья – «друзи», «братия», «любимицы мои» – располагают к дружеской беседе. Артемий, как правило, выбирает спокойный, братски-увещательный, кроткий тон повествования, что отмечал еще Вилинский [6, с. 119]. Он пользуется местоименными формами («вы») или формой глагола во втором лице множественного числа: «смотрите», «будете иметь», «глаголете» и др.

Артемий обвиняет «люторов» в том, что крест они называют шибеницей, икону – идолом, церковь – болваницей, пустынников – зверями дивными. Осуждает врагов креста Христова, которые не верили священным преданиям, и приводит ряд примеров из них (особенно подробно этот сюжет представлен Артемием в Послании Симону Будному). Старец советует читать послания апостолов, слова святых отцов, и зона репродуцирования священных текстов составляет в «Послании Люторским учителям» большое цитатное пространство.

Вилинский полагал, что Артемий так и не создал сочинения, в котором бы отверг все положения лютерского учения (в Послании рассмотрены не все «артикулы» Катехизиса Лютера). Но, вероятно, именно «Послание Люторским учителям» и есть такой проект, но незавершенный. На это указывает дополнительный фрагмент, выделенный в рукописи О. XVII. 71 на л. 264–270 об., следующий за логичной концовкой, после заминивания (стб. 1262). Завершается он лишь упоминанием основного положения учения Лютера – оправдание верою: «А еже глаголють Люторы (истовое же имъ имя от деиства – ругатели): “Христось уже за нас исполниль, не требѣ ученики, рекше дѣла добрая”, – се глаголють суетно, сами прельщени умомъ своимъ и иныхъ прельщають въ свою погибель. От ихъ учения да покриеть нас Христось, Богъ нашъ» (стб. 1266). Этого важного положения противолутеранской полемики нет в других посланиях старца Артемия, а оно требует подробного аналитического изложения, которое, вероятно, осталось в замыслах публициста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Противолутеранская полемика в Московской Руси не стала заметным явлением публицистики XVI в. Единственным ее примером может служить послание Максима Грека в защиту иконопочитания, мало известное в книжной традиции. Литовские послания старца Артемия следует признать самыми значимыми сочинениями против лутеранского учения в древнерусской книжности, а самого писателя – активным защитником православных от протестантизма. Эти сочинения, как и творчество А. Курбского, представляют уникальный случай в истории русской средневековой литературы, когда слово писателя, созданное за границей, находит свое место в отечественной рукописной традиции.

«Послание Люторским учителям» можно расценивать как программное сочинение Артемия, поскольку в нем изложены практически все основные положения идеологии старца. Вероятно, на основе этого сочинения он составлял послания своим известным и неизвестным адресатам.

Существующая публикация трудов старца Артемия, выполненная П. Гильтебрандтом в 1878 г., не отвечает современным эдичионным требованиям, поэтому назрел вопрос о подготовке научного издания посланий публициста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958. 499 с.
2. *Калугин В.В.* Артемий // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 458–462.
3. *Послания старца Артемия* // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 4. Стб. 1201–1448.
4. *Занков П.М.* Старец Артемий, писатель XVI в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. № 11. С. 47–64.
5. *Садковский С.* Артемий, игумен Троицкий // Чтения Общества истории древностей российских. 1891. Кн. 4, отд. 3. С. 1–143.
6. *Вилинский С.Г.* Послания старца Артемия (XVI в.). Одесса. 1906. 425 с.
7. *Казакова Н.А.* Артемий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. С. 71–73.
8. *Иванов А.И.* Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969. 248 с.
9. *Журова Л.И.* История слов Максима Грека против Лютера (в защиту иконопочитания) // Сибирский филологический журнал. 2021. (в печати).
10. *Преподобный Максим Грек.* Сочинения. М., 2008. Т. 1. 568 с.
11. *Синицына Н.В.* Раннее творчество Максима Грека // Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1. С. 15–80.

REFERENCES

1. *Zimin A. A. I. S. Peresvetov and his contemporaries. Essays on the history of the Russian public and political thought of the mid XVI century.* Moscow, 1958, 499 p. (In Russ.)
2. *Kalugin V. V. Artemius. Pravoslavnaya entsiklopediya.* Moscow, 2001, vol. 3, pp. 458–462. (In Russ.)
3. *Messages of the Elder Artemy. Russkaya istoricheskaya biblioteka.* Saint Petersburg, 1878, vol. 4, cols. 1201–1448. (In Russ.)
4. *Zankov P. M. The Elder Artemius, a writer of the XVI century. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya,* 1887, no. 11, pp. 47–64. (In Russ.)
5. *Sadkovskiy S. Artemius, Abbot Troitsky. Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh,* 1891, bk. 4, pt. 3, pp. 1–143. (In Russ.)
6. *Vilinskiy S. G. Epistles of the Elder Artemius (the XVI century).* Odessa, 1906, 425 pp. (In Russ.)
7. *Kazakova N. A. Artemius. Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi.* Leningrad, 1988, iss. 2, pt. 1, pp. 71–73. (In Russ.)
8. *Ivanov A. I. Maximus the Greek's literary heritage. Characteristics, attribution, and bibliography.* Leningrad, 1969, 248 p. (In Russ.)
9. *Zhurova L. I. The history of Maximus the Greek' epistles contending Luther (in defense of icon worship). Sibirskiy filologicheskiy zhurnal,* 2021, in print. (In Russ.)
10. *Venerable Maximus the Greek. Writings.* Vol. 1. Moscow, 2008, 568 p. (In Russ.)
11. *Sinitsyna N. V. Early works by Maximus the Greek. Prepodobnyy Maksim Grek. Sochineniya.* Moscow, 2008, vol. 1, pp. 15–80. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.04.2021

Дата рецензирования 16.05.2021

Статья принята к публикации 03.06.2021